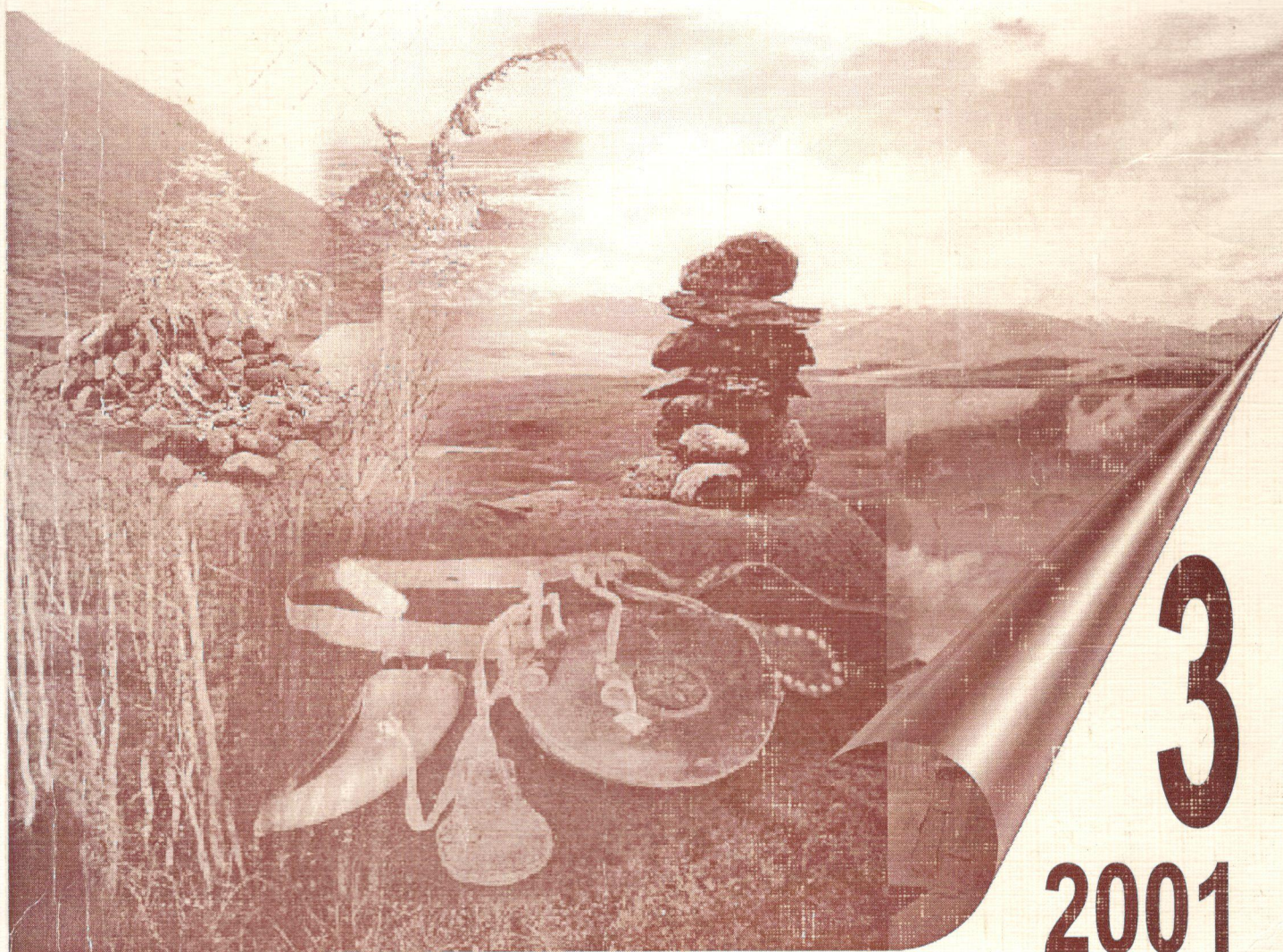

ISSN 0869-8651

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ

**Российская Академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

Серия: культура, наука, образование

№ 3, 2001 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

- Ларичев В.Е.* Жертвы Времени (насильственная смерть в астральных культах палеолита Евразии) 3
Леонтьев Н.В. Стела окуневской культуры из улуса Тазьмина (опыт структурно-семантического анализа) 12

ЭТНОГРАФИЯ

- Люцидарская А.А.* Образы иноземцев в описаниях российских посланников (по материалам российских дипломатических миссий XVII в. в сопредельные государства) 18
Русакова Л.М. Семантика красного цвета в свадебной одежде русских крестьян 21
Явнова Л.А. Семейные разделы и наследование у русских старожилов Алтая второй половины XIX – начала XX в. 25
Башаров И.П. Трудовые традиции русского промыслового населения Восточного Прибайкалья 26
Абатаев Е.Б. Юрта – традиционное жилище казахов Южного Алтая 30

СИБИРСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Арбачакова Л.Н.* Поэтика зачина шорских сказаний в исполнении кайчи В.Е.Таннагашева 34
Байжанова Н.Р. Варьирование эпических формул в алтайском эпосе (на примере описаний психологического состояния персонажей) 37
Кузьмина Е.Н. Систематизация типических мест эпоса сибирских народов (к постановке проблемы) 42
Солдатова Г.Е. Необрядовая традиция в системе вокальных жанров мансийского фольклора 47

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

- Гурьянова Н.С.* О двух экземплярах Кормчей книги 52
Журавель О.Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как Святая Земля 56
Мальцев А.И. Антистранические полемические сочинения в тюменских сборниках 60
Зольникова Н.Д. Работа урало-сибирских староверов-часовенных с книгой в XX в. 64

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Бобров В.В.* К вопросу о российской национальной доктрине образования 70
Турченко В.Н. Региональная стратегия образования 75
Еремин С.Н. Российские негосударственные вузы: проблемы и перспективы 79
Марков Ю.Г. Экологическая наука в стратегии развития Сибирского региона 83
Тюгашев Е.А. Малый инновационный бизнес в Новосибирском научном центре 88

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Малышева М.П., Познанский В.С.* Организация научных гуманитарных экспедиций в Сибири в 1921 г. 93

СООБЩЕНИЯ ХРОНИКА РЕЦЕНЗИИ

- Бородихин А.Ю.* ГПНТБ СО РАН: перспективы археографических исследований 98
Миндолин В. Рец. на кн.: *Демидов В.А.* Россия: политика и политики. – 1985–2000. – Новосибирск, 2000. 102
Табарев А.В. Рец. на кн.: *Кирияк М.А.* Древнее искусство севера Дальнего Востока (каменный век). – Магадан, 2000. – 288 с. 103
Рощевская Л.П. Рец. на кн.: *Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В.Н.Волкова.* – Новосибирск, 2000. – 316 с. 104
Варенов А.В. XII западносибирская археолого-этнографическая конференция “Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории” 105
Варенов А.В. VIII Международный семинар “Интеграция археологических и этнографических исследований” 106
Аблажей А.М. Новые работы по этносоциологии 107
Атнагулов И.Р. Традиционная пища верхнеуральских нагайбаков 107
К 70-летию со дня рождения: А.Б.Соктоев 109
Поздравляем юбиляра! Н.А. Томилов 111
Summary 113

БИБЛИОТЕКА
ОИ
СО АН СССР

© Сибирское отделение РАН, 2001
© Издательство СО РАН, 2001

Н.Р. БАЙЖАНОВА

ВАРИИРОВАНИЕ ЭПИЧЕСКИХ ФОРМУЛ В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ

(на примере описаний психологического состояния персонажей)*

Алтайскому эпосу, как и эпосам других народов, свойственны устойчивые элементы стиля: эпические формулы. Термин “формула”, введенный в мировую фольклористику М. Парри и его учеником А. Лордом, обозначает “группу слов, встречающихся в одних и тех же метрических условиях для выражения того или иного смысла”¹. В нашей работе мы будем придерживаться именно этой формулировки. Эпические формулы выступают составными элементами “типических мест” эпоса. “Типические места” – это сходные описания, встречающиеся в разных сюжетах сказаний для выражения той или иной темы или состояния, например, богатой езды, гнева, поединка героя и т. д. Выражение становится формулой только тогда, когда оно постоянно употребляется в репертуаре сказителя. Основной и главной чертой формулы является ее повторяемость. Сказитель, отлично знающий эпическую традицию, в ее пределах может допускать варьирования и видоизменения.

Цель нашей статьи – выявить сходства и различия формульных выражений алтайских сказаний, раскрыть способы и приемы их варьирования сказителями (на примере описаний психологического состояния персонажей). Для сравнительного анализа эпических формул нами была сделана выборка из произведений, записанных от носителей разных диалектов алтайского языка: Н.У. Улагашева – на туба диалекте, А.Г. Калкина – на теленгитском диалекте, Т. Чачиякова, Н.К. Ялатова, К.Т. Кокпоевой, И.П. Сабашкина, И.Б. Шинжина – на диалекте алтайкижи, Ф.Н. Чолухоева – на телеутском диалекте, А.И. Чинчикеева – на кумандинском диалекте, Н.П. Черновой и К.Б. Пустогачева – на челканском диалекте.

Сопоставление материала показало, что одни и те же образные выражения присущи широкому кругу сказаний, которые в сюжетно-тематическом плане зачастую между собой не совпадают. Каждый сказитель в меру своего таланта и памяти воспроизводит эти формулы. В тексте они могут повторяться несколько раз в полном или неполном варианте. Обычно варьирование идет за счет замены одних слов формулы лексически близкими или синонимичными словами; или же за счет развертывания сравнений, гипербол.

Как правило, описания психологического состояния начинается с устойчивой синтаксической модели, несущей противопоставление: «никогда “не” – теперь “да”» или «прежде “не” – теперь “да”», т. е. дается замена отрица-

ния утверждением, например: *сүүнбеген бойы сүүне берди* “не радовавшийся – [он] обрадовался; *каткырбаган бойы каткырды* “не смеявшийся – [он] засмеялся”; *ыйлабаган бойы ыйлады* “не плакавший – [он] заплакал”; *кунукаган бойы кунуга берди* “не грустивший – [он] загрустил”; *карыкпаган бойы карыга берди* “не печалившийся – [он] опечалился; *тарынбаган бойы – тарына берди* “не гневавшийся – [он] разгневался”; *ачынбаган бойы – ачына берди* “не сердившийся – [он] рассердился” и т. д. Эта модель широко используется исполнителями для выражения самых разных психологических состояний героя: радости, смеха, грусти, гнева и т. д. Такая модель предложений характерна для фольклорных текстов, и ею широко пользуются сказители. В художественных текстах и в разговорном языке она малоупотребительна.

Обычно после этой эпической формулы разворачивается описание, характеризующее то или иное внутреннее состояние. Для его передачи сказитель может одновременно использовать несколько выражений или даже включать весь арсенал известных ему выражений. Приведем пример из сказания Т. Чачиякова, в котором описание состоит из пяти формул: А б в г д. Они обозначены подчеркиванием. Все остальные выражения не являются формулами, так как они не обладают устойчивостью и образностью и не встречаются в других описаниях ни у самого Т. Чачиякова, ни у других сказителей. Мыны көргөн Катан-Коо / Ачынбас бойы ачына берди. / Атыйбас бойы атыяа берди. / Отко жидирткен кептү / Отырган јеринен тура јүгүрди. / Амыр санаадаң ол јастыгып, / Ары-бери телчип басты. / Јаак тиштери быјырап турат. / Јака топчы үзүлип чачылат. / Эрин тиштери быјырт эдет. / Эдек топчы эм үзүлет. / Көргөн көзине оттор чагылды, / Коо-туманла изү тынды. / Карчага кушты кабактары десе / Кыйыш-теиш јылыжа берди. / Кызыл-марал эр чырайы / Куу олөндий өчө берди. – Катан-Коо, увидевший это, / Не сердившийся – рассердился, / Не гневавшийся – разгневался. / Как будто огнем обжегся, / Соскочил с места, где сидел. / Потеряв спокойствие, / Туда-сюда стал ходить. / Коренные зубы его скрипят, / Пуговица на воротнике оторвалась. / Передние зубы скрипят, / Пуговица на подоле оторвалась. / В глазах его огни сверкнули, / Густой туман жарко выдохнул. / Как ласточки, брови / Туда-сюда задвигались. / Как цвет маральника, красное лицо мужа, / Подобно серой траве, поблекло (букв. “потухло”) (Күн кылгалу күрен атту кудай уулы Катан-Коо, с.119). Именно

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 00-15-98879) и интеграционного проекта СО РАН (№ 38).

этому сказителю свойственно использование трех-четырех формул в описании того или иного психологического состояния, тогда как другие употребляют не более двух формульных выражений.

Рассмотрим выражения, описывающие психологическое состояние персонажей.

Радость героя. Большинство сказителей это состояние передается без применения сравнительного ряда или гиперболы. **Калкин:** *Темдү-Бөкө өрөкөн / Сүүнбес бойы сүүне берди.* – Темдю-Беке старик / Не радовавшийся – обрадовался (Кан-Капчыкай, с. 51). **Илаков:** *Талтарды көргөн бойынча, / Сүүнбес бойы сүүне берди, / Каткырбас бойы боо каткырды.* – Увидев коростеля, / Не радовавшийся – обрадовался, / Не смеявшийся – засмеялся (Тайлы-жеенду андаганы, с. 189). **Чинчикеев:** *Мыны көргөн ашыыйак, / Бир казалат једиң келди, / Балтыр кезик баланы / Ала койбой эмди кайтты.* / Сүүнбес бойы сүүне берди, / Каткырбас бойы каткыра берди. – Увидев это, старик / Крадучись, подошел, / Маленького голого ребенка / Взял тогда на руки. / Прежде не радовавшийся – обрадовался, / Прежде не смеявшийся – засмеялся (Ак-Каан ла Күбүр-Каан, с. 80). Такая синтаксическая модель является устойчивой и распространенной.

У Н.У. Улагашева и А.Г. Калкина встречаются образные выражения, построенные на описании проявлений радости через действия персонажа. Этот прием усиливает эмоциональное впечатление, подчеркивая, насколько сильна эта радость. **Калкин:** *Буурыл-Каан уккан мончо, / Сүүнгенине кулагын / Арай үзе сокподы.* – Буурыл-Каан, услышав это, / От радости свои уши / Чуть ли не оторвал (Кан-Капчыкай, с. 38). **Улагашев:** *Караты-каан кыйгырып ийди, / Эки јалмажын сүүнип согунды.* – Крикнул Караты-каан, / Похлопывая себя по обоим бедрам, радовался (Ак-Тайчы, с. 140).

Кроме таких описаний, встречаются формульные выражения с использованием сравнений. Так, у Н.У. Улагашева сила радости героя сравнивается со светом солнца: *Күннең изү күн тийгендий, / Ак-Бөкөло Алтын-Топчы / Айдары јок сүүндилер.* – Как будто горячее этого солнца солнце засветило, / Ак-Беке и Алтын-Топчы / Так сильно обрадовались (Ак-Тайчы, с. 84; 135). У А.Г. Калкина мы находим сравнение, где радость героя сравнивается с радостью маленького ребенка: *Мыны уккан Оскүс-Уулым / Јаши баладый сүүне берди.* – Услышав это, мой Оскүс-Уул, / Как маленький ребенок, обрадовался (Оскүс-Уул, с. 18; 38).

Образных описаний радости по сравнению с формулами выражения смеха в алтайских сказаниях очень мало. Возможно, это объясняется тем, что в эпосе, тяготеющем к гиперболе, в центре яркие экспрессивные состояния, такие как гнев, плач и т.п.

Смех героя. Он в сказаниях обычно передается различными звукоподражательными словами и наречиями, подчеркивающими характер смеха. Как правило, они стоят перед глаголом *каткыр* = “смеяться”. Это следующие звукоподражательные слова: *курс*, *карс*, *кирс-кирс* с семантикой “звонко”, “громко”; наречия, образованные от звукоподражательных слов при помощи аффиксов -ылда-

да / -уллада: *карсылдада*, *тырсылдада*, *кыйтылдада*, *суйтулдада*. Эти наречия мы тоже переводим синонимами “громко” или “звонко”.

Черноева: *Кирс-кирс каткырып алды.* – “Кирс-кирс” посмеялся (т. е. посмеялся громко, раскатисто) (Ак-Тайчы, с. 164). **Сабашкин:** *Күн-Солооннын черүлери / Кан-Јегейдин кийининен / Карсылдада каткыражат.* – Войско Кун-Солон / Вслед за Кан-Дьегеем / Громко засмеялось (Кан-Јегей, с. 212). **Кокпоева:** *Мыны уккан Көнтүркей / Карсылдада каткыр ийет.* – Услышав это, Кунтюркей / Громко засмеялся (Ирбис-Буудай, с. 22).

В алтайских сказаниях смех героя гиперболизирован: он сопровождается разрушением камней, скал, гор. Такие гиперболические выражения для описания смеха богатыря используют многие сказители: А.Г. Калкин, Т. Чачияков, А.И. Чинчикеев, И.П. Сабашкин и К.Б. Пустогачев.

Калкин: *Кан-Капчыкай каткырды. / Карсылдада каткырада, / Кара таштар јарылды, / Күрсилдеде каткырада, / Күрен таштар оодылды.* – Кан-Капчыкай расхохотался. / Когда громко хохотал, / Серые камни раскалывались, / Когда звонко хохотал, / Серые камни дробились (Кан-Капчыкай, с. 28; запись 1985 г.). Здесь варьирование идет за счет синонимических пар слов: *карсылдада* “громко” – *күрсилдеде* “звонко”, *кара* “черный” – *күрен* “серый” (*таштар* “камни”), *јарылды* “раскалываться” – *оодылды* “дробиться”. **Чачияков:** *Күлүмзир каткыр келет – / Күрен кайа чачылат. / Тырсылдада каткыр келет – / Јылым кайа чачылат.* – Когда негромко смеется, / Круглая скала срывается. / Когда громко смеется, / Гладкая скала откалывается (Кан-Алтын, с. 376, 377). *Күрсилдеде каткырганда, / Күрен кайа чачылат анда, / Јырсылдада каткырганда, / Јылым кайа јыгылат анда.* – Когда громко смеялся, / Там серая скала срывалась, / Когда звонко смеялся, / Гладкая скала раскалывалась (Күн кылгалу күрен атту кудай уулы Катан-Коо, с. 115). В первой формуле синонимичны пары: *күлүмзир* “негромко, тихо” – *тырсылдада* “громко”, *күрен* “серая” – *јылым* “гладкая”; во второй: *күрсилдеде* “громко” – *јырсылдада* “звонко”, *чачылат* “срывается” – *јыгылат* “раскалывается”. **Чинчикеев:** *Ак-Каан ашыыйак айдала, / Карс этире каткырганда, / Кара таштар јарыл турат, / Күрс этире каткырганда, / Күрен кайа јемирил турат.* – Когда Ак-Каан, так сказав, / Громко (букв. “карс”) захохотал – / Черные камни стали дробиться, / Когда звонко (букв. “кюрс”) захохотал, / Серые скалы стали рушиться (Ак-Каан ла Күбүр-Каан, с. 70).

Сказители варьируют синонимичные глаголы, обозначающие разрушение: *јарыл* “раскалываться”, *оодыл* “дробиться” (Калкин); *чачыл* “откалываться”, *јыгыл* “откалываться” (Чачияков); “дробиться”, *јемирил* “рушиться” (Чинчикеев).

Сабашкин: *Сокор-Кара сүгүнип, / Карсылдада каткырат – / Кайа-таштар јемирилет, / Күрсилдеде күлүмзиренет – / Күнчыгышта күнделет.* – Сокор-Кара, обрадовавшись, / Громко смеется – / Скалы-камни рушатся, / Весело улыбается – / На востоке солнце встает (Кан-Јегей,

с.208). Этот сказитель видоизменяет устойчивый ряд: вначале пользуется типичным выражением: от громкого смеха “скалы-камни рушатся”, а затем вводит свою вариацию: от улыбки героя “на востоке солнце встает”.

К.Т. Кокпоева в эпосе “Ирбис-Буудай” использует описание, не прибегая к гиперболе: при смехе звук раскачивается в горах, скалах. Формульное выражение варьируется синонимичными глаголами: *торгул=, тамыл=, жангалан=* “раздаваться (о звуке)”, *угул=* “быть слышимым (о звуке)”. Например: *Карсылдада каткыр ийет, / Кайа-ташика торгула берет. / Күрсүлдеде каткыр ийет, / Күн-дик жерге угула берет.* – Громко засмеется – / (Эхо) в скалах-камнях раздается. / Звонко засмеется – / На солнечной стороне слышно (Ирбис-Буудай, с.24; 44).

У А.Г. Калкина в сказании “Кан-Капчыкай” (запись 1985 г.) богатырский смех звучит не в открытом пространстве, а в ограниченном: *өргөө ичи жангыланды* “раздалось эхо во дворце”. Гиперболизация идет за счет сравнения: звук умножается количеством смеющихся, эхо от которого усиливает звон посуды: *айак-казан шыгырап калды* “чашки-котлы загремели”. *Букелиннин каткызына / Оны-ла тудуш неме чилет, / Јетен түңгей јаш келиндер / Кыя-тылдада кожо каткырды. / Јүс түңгей јараш кыстар / Сүйтүлдада каткырды: / Өргөө ичи жангыланды, / Айак-казан шыгырап калды.* – От смеха этой молодой женщины, / Как будто с ней связаны, / Семьдесят одинаковых молодых женщин / Громко вместе засмеялись. / Сто одинаковых красивых женщин / Звонко вместе засмеялись: / Во дворце эхо раздалось, / Чашки-котлы загремели (Кан-Капчыкай, с.70).

В сказании “Кан-Јеерен атту Кан-Алтын” (запись 1978 г.) встречается тот же прием, который сказитель использовал при описании радости богатыря: сила эмоций персонажа передана через действие или его результат. От смеха героя, например, вырастают цветы на камнях, в лесу. *Оны уккан Кан-Алтын / Карсылдада каткыра салды, / Кара таштан чечек чыкты. / Эјил-којыл куучындаарда, / Эн јерден чечек өсти.* – Кан-Алтын, услышав это, / Громко засмеялся, / На черных камнях цветы выросли. / Складно стал рассказывать, / На пустынном месте цветы выросли (Кан-Јеерен атту Кан-Алтын, с.104; 124; 132). – Подобный изобразительный ряд употреблен А.Г. Калкиным только в этом сказании. Возможно, это его импровизаторское новшество.

Гнев героя. Приемы передачи гнева героя в эпических сказаниях более разнообразны, чем в произведениях иных жанров. На материале сибирского эпоса формульные выражения этого психологического состояния, рассматривал В.М. Гацак². В алтайском эпосе гнев выражают следующие синонимичные глаголы: *ачын=* “сердиться”, *канык=* “гневаться”, *тарын=* “сердиться, обижаться”, которые образуют формульную конструкцию. У разных сказителей мы выявили следующие семантические группы метафорических выражений:

а) формульные выражения с семантикой “глаза налились кровью”

В сказаниях, записанных от Н.У. Улагашева: “Малчы-Мерген” (запись 1939 г.), “Алтай-Буучай”, “Алып-Манаш”, “Ак-Тайчы”, “Козюйке” (записи 1940 г.) – метафорические выражения разнообразятся благодаря синонимичным глаголам: *кара көзине кан тартылган* “черные глаза кровью налились” (букв.: “в черные глаза кровь затянулась”), *кара көскө кан чагылды* “на его черных глазах кровь проступила”, *эки көзи кандала берди* “оба глаза его кровью налились” (букв.: “закровили”). *Оны көргөн Чанмак-Бөкөннүн / Эки көскө кан чагылды.* – У Чанмак-Беке, увидевшего это, / На обоих глазах кровь проступила (Ак-Тайчы, с.89). *Эрлу бүткен Көзүйкенин / Кара көскө кан чагылды.* – У мужественного от рождения Кезюйке, / На черных глазах кровь проступила (Көзүйке, с.180).

Чачияков: *Көргөн онын бу көзінде / Көрнө эмес – кызыл кан!* – В его глазах / Не огонь – красная кровь! (Күн кылгалу күрөн атту кудай уулы Катан-Коо, с.143). **Калкин:** *Мыны көргөн Кан-Капчыкай / Каан бойы арбана берди. / Кара көзине кан чагылды...* – Кан-Капчыкай, увидевший это, / Как хан, стал ругаться. / На черных глазах его кровь проступила (Кан-Јеерен атту Кан-Алтын, с.104). **Ялатов:** *Айылында энеси уулын уткуп, / Удура чыгып көрөр болзо, / Кара көскө кан чагылган, / Кара кабагын түрө көргөн, / Санааркап калган турбай кайтты.* – Когда мать из дома вышла встречать своего сына, / (Он) стоял печальный: / На глазах его кровь проступила, / Свои черные брови он сдвинул (Өлөңгир, с.60; 63). **Чинчикеев:** *Кара көзине кан чарчады...* – На его черных глазах кровь выступила... (Ак-Каан ла Күбүр-Каан, с.106; 116). **Сабашкин:** *Учында Чичке-Каранын / Кош-кабагы жемирлиди, / Кара көскө кан иргилди, / Ачынып, ол кыйгырды.* – Наконец Чичке-Кара / Сдвинул свои густые брови, / На его черных глазах кровь появилась (Кан-Јеерен, с.227). **Шинжин:** *Ай-Тана абакай / Алан кайкап ачынат... / Ала көзи кандалат.* – Ай-Тана-абакай / Сильно удивляясь, гневается... / Ее глаза кровью наливаются (Алтын-Саадак, с.233).

Близки проанализированной модели эпические формулы, которые по сути являются многочисленными вариантами, передающими состояние гнева.

а) формульное выражение с семантикой “глаза горят огнем”

Улагашев: *Кара көстөн от чагылды.* – Из черных глаз его огонь заискрился (Көзүйке, с.180). **Чачияков:** *Көргөн көзине оттор чагылды.* – В глазах его огни заискрились (Күн кылгалу күрөн атту кудай уулы Катан-Коо, с.119). Глагол *чагыл=*, образованный от *чак=* “жалить”, с показателем страдательного залога (=ыл=) имеет значение “появляться”. В контексте со словами *кан* “кровь” и *от* “огонь” он образует метафорические выражения: *көзине кан чагылды* “на глазах его кровь проступила”; *көзине оттор чагылды* “в глазах его огни заискрились”. **Чачияков:** *Көргөн көзи / Көрнө-калап кайнап чыгат.* – Смотрящие глаза его / Сплошным огнем полыхнули (букв. “вскипели”) (Кан-Алтын, с.446, 447). Здесь глагол *кайна=* со значением “кипеть” употреблен в метафорическом значении.

б) формульные выражения с семантикой “делать грозное выражение лица”

Улагашев: *Кату кабагын жемире көргөн.* — Грозные свои брови изогнув (букв. “ломая”), смотрел” (Алып-Манаш, с.9; 15). Встречается в сказаниях “Алтай-Буучай” (с.69), “Ак-Тайчы” (с.126). **Калкин:** *Жес кабагы жемирилди.* — Свои медные брови изогнул (букв. “его медные брови были сломаны”) (Кан-Жеерен атту Кан-Алтын, с.104). **Ялатов:** ... *Кара көскө кан чагылган, / Кара кабагын түре көргөн, / Санааркан калган турбай кайтты.* — (Сын) стоял печальный: / На глазах его кровь проступила, / Свои черные брови он сдвинул... (Өлөңгир, с.60). **Черноева:** *Карган өбөгөн Токтый / Кабагын түре көрүп, / Кату сөсти эмди айтты.* — Старик Токтый, / Сдвинув брови, / Свои гневные слова теперь высказал (Тоймон-Коо, с.141). **Сабашкин:** *Учында Чичке-Каранын / Кош-кабагы жемирилди, / Кара көскө кан иргилди, / Ачынып, ол кыйгырды.* — В конце концов у Чичке-Кара / Густые брови изогнулись, / На черных глазах его кровь появилась, / Рассердившись, он закричал (Кан-Егедей, с.227).

в) формульные выражения с семантикой “сжать зубы”, “скрежетать зубами” (букв. “жевать зубами”)

Улагашев: *Алын эрин жара тиштенди.* — Нижнюю губу прикусил (Малчы-Мерген, с.82). Встречается также в “Ак-Тайчы” (с.89; 122; 139). **Калкин:** *Кату бүткен тиштеринен / От бызырап, чайнан турды.* — Своими крепкими от рождения зубами, искря, скрежетал (букв. “жевал”) (Алмыс-Каан, с.52). *Мыны көргөн Кан-Качыкай... / Кату тижин чайнап турат.* — Кан-Калчыкай, увидев это, ... / Твердые свои зубы сжал (Кан-Жеерен атту Кан-Алтын, с.104). **Чачияков:** *Жак тиштери бызырап турат, / Жака топчы үзүлүп чачылат. / Эрин тиштери быжырт эдет, / Эдек топчы эм үзүлет.* — Коренные зубы его скрипят, / На воротнике пуговица оторвалась. / Передние зубы его скрипят, / На подоле пуговица отлетает (Күн кылгалу күрөн атту кудай уулы Катан-Коо, с.119). **Ялатов:** *Түн тижин түре тиштенди.* — Свои коренные зубы крепко сжал (букв. прокусил) (Өлөңгир, с.32-33; 89). **Паспаулов:** *Ак-Коныр атка минген / Алтын-Тензек жедип келди. / Ээк тижин эбири чайнады, / Жак тижин жара чайнады.* — На своем коне Ак-Коныр / Алтын-Тензек приехал. / Передние зубы свои дробил (букв. “жевал”), / Коренные зубы свои раздробил (букв. “сжевал”) (Курман-Таажы, с.113).

г) формульные выражения с семантикой “от гнева дергать, рвать бороду-волосы”

Улагашев: *Кара-күрөн атка минген / Караты-каан казыр бойы / Арга-сүмезин таппай калды, / Азу сагалын жула тартынды.* — Злой Караты-Каан, / Сидящий на черно-коричневом коне, / Не найдя выхода-уловки, / Свою бороду снизу дернул (Ак-Тайчы, с.129). **Ялатов:** *Мыны көргөн Өлөңгир / Ачинбас бойы ачына берди, / Тарынбас бойы тарына берди, ... / Азу сагалын ала койуп, / Ары-бери жула тартты, / Ээк сагалын болгожын / Эки жандап силке тартты.* — Увидев это, Олонгир, / Не сердившийся — рассердился, / Не гневовавшийся — разгневался, / Схватив сверху свои усы, / Там и здесь стал их

рвать, / Снизу бороду свою / За оба конца стал дергать (Өлөңгир, с.32-33).

д) формульные выражения с семантикой “изменение температуры тела”

Улагашев: *Оны уккан Алып-Манаш / От кептү изип чыкты...* — Услышавший это, Алып-Манаш, / Как огонь, стал раскаляться (Алып-Манаш, с.15). *Алтай-Буучай баатырдын / Эди-каны изип келди...* — У Алтай-Буучая богатыря / Тело-кровь стали разогреваться (Алтай-Буучай, с.45). **Чачияков:** *Оттон изү күйүп чыгат...* — Жарче огня он запыхал... (Күн кылгалу күрөн атту кудай уулы Катан-Коо, с.146). **Ялатов:** *Мыны уккан Маадай-Мергеннин / Эди-каны изип, / Эт жүреги согула берди.* — У Маадай-Мергена, услышавшего это, / Тело-кровь согрелись, / Мясосердце его застучало (Өлөңгир, с.89). **Илаков:** *Оны уккан жаан анчынын / Жүреги туйлап келди, / Отко салган темирдий изиди.* — У охотника, услышавшего это, / Сердце стало биться, / Как железо, брошенное в огонь, он раскалился (Таайлу-жеендү андаганы, с.190).

е) формульные выражения с семантикой “его сердце не смягчилось, не растаяло”

Н.У. Улагашев и Н.К. Ялатов используют метафорические эпитеты.

Улагашев: *Алып-Манаш баатырдын / Тош жүреги эрибеди, / Тош жүреги жымжабады.* — У Алып-Манаша богатыря / Ледяное сердце не растаяло, / Каменное сердце не смягчилось (Алып-Манаш, с.41-42). **Ялатов:** *Тош жүреги эрибеди, / Тош жүреги жымжабады.* — Ледяное сердце его не растаяло, / Каменное сердце его не смягчилось (Өлөңгир, с.63-64).

ж) формульные выражения с семантикой “принять лик какого-либо зверя или издавать звериные звуки”

Улагашев: *Оны уккан Арслан-Каан / Айу кеберин тартынды.* — Услышав это, Арслан-Каан / Лик медведя принял (Малчы-Мерген, с.82).

У А.Г. Калкина в сказании “Очы-Бала” использованы устойчивые формульные выражения сравнительного ряда: *пүрү кептү черүлү* “его войско, как стая волков” (с.108,109), *сангыскан кепту баатырлары* “его богатыри, как стая сорок” (с.114,115), *кускун кептү черүлери* “его войско, как стая ворон” (с.114,115). Или в сказании “Алмыс-Каан” он употребляет выражение: *Казыр айудый огурып ийди, / Кара куладый силкин ийди.* — Как злой медведь, прорычал, / Как лев, встряхнулся (с.53).

У И.Б. Шинжина также находим сравнительный ряд: *Айу чылап, алгырды, / Бөрү чилеп, улый салды, / Какай чылап, корт этти, / Жылан чылап, толголып чыкты, / Жылгыр ичкери жортты.* — Как медведь, прорычал, / Как волк, взвыл, / Как кабан, хрюкнул (букв. “издал “корт”), / Как змей, извиваясь, / Быстро поехал вперед (Алтын-Саадак, с.215).

з) формульные выражения с семантикой “издавать звук (звон, гром, грохот), подобно какому-либо предмету или грозе”

Улагашев: *Оны көргөн Ак-каан, / Тенгери кептү күжүрт этти, / Темир кептү шыңгырт...* — Увидев это, Ак-каан, / Как небо, загрохотал, / Как сталь, зазвенел (Алып-

Манаш, с.20). Здесь, видимо, гнев богатыря сопровождается его движениями в тяжелых стальных доспехах, его грозной речью, т.е. состояние персонажа передается сравнением или метафорическим глаголом: в гнев он “гремит”, “звонит”. *Тастаракайды көргөн бойынча, / Караты-каан күзүрт этти, / Кара көзине кан чагылды.* – Увидев Тастаракая, Караты-каан зазвенел, / На черных глазах его кровь проступила (Ак-Тайчы, с.126; 127). **Чачияков:** *Лумура баатыр мыны уккан бойынча, / Тенгеринин күзүртиндий күзүрөп чыкты, / Темирдин шыңгыртынды шыңгырт этти.* – Тимур-богатырь, услышав это, / Подобно грохоту неба, загрохотал, / Подобно звону железа, зазвенел (Жыланаш-Уул, с.164). **Калкин:** *Жер силкингендий күзүрт болды. / Тенгериций күзүрт эдет, / Темир шандый кангырт эдет.* – Как будто земля сотрясалась, такой был грохот. / Как небо, гремит, / Как звон железа, звенит (Алмыс-Каан, с.53). **Кокпоева:** *Мыны көргөн Аранай / Темир кептү шынырады, / Тенгери кептү күркүредди.* – Аранай, увидевший это, / Подобно железу, зазвенел, / Подобно грохоту неба, загрохотал (Ирбис-Буудай, с.31). **Шинжин:** *Кара-Кула чыдашпады, / Күжүрт чилеп, күзүрт этти.* – Кара-Кула не вытерпел, / Подобно грому, загрохотал (Алтын-Саадак, с.215).

и) формульные выражения с семантикой “отрастания бороды, волос на лице”

Это крайнее выражение гнева, приводящее к “озвещению” персонажа, встречается только у А.И. Чинчикеева: *Кара көзине кан чарчады. / Кижжи бүдүжжи чыга берди, / Кийик бүдүжжи кире берди. / Колынын түги кол кире-зи / Болуп өзө берди, / Качарынын түги болзо, / Карыш кире өзө берди.* – На черных глазах его кровь выступила, / Прекрасный лик его стал исчезать, / Лик животного принимает, / Волосы на руках с руку его отросли, / А волосы бороды / В длину на десять-двадцать сантиметров выросли (Ак-Каан ла Күбүр-Каан, с.106).

к) формульные выражения с семантикой “спонтанного движения бровей богатыря”

Встречается только в сказаниях Т. Чачиякова: *Оны уккан пойынча / Кан-Алтын паатыр / Жарын пойдый кабагы / Олий-селий күчүжсе перди.* – Как только услышал такое / Кан-Алтын-богатырь – / Брови его, длинные, как плечи, / Направо-налево задвигались (Кан-Алтын, с.446, 447). *Карчага куштый кабактары десе / Кыйыш-тейиш жылыжа берди.* – Как ласточка, брови / Туда-сюда задвигались (Күн кылгалу күрен атту кудай уулы Катан-Коо, с.119). ... *Кара куштый кабактары / Кайыш-тейиш көчүп турат* – Как черная птица, брови его / Туда-сюда задвигались (там же, с.143). Такой прием передачи внутреннего состояния через психологический штрих – гримасу на лице – у Т. Чачиякова художественно многовариантен.

л) формульные выражения с семантикой “при гневном изменении цвет лица”

Улагашев: *Оны уккан Козын-Эркештин / Жүзи кызу темирдий кызарды, / Жүреги бир ууш болды.* – У Козын-Эркеша, услышавшего это, / Лицо, как раскаленное железо, покраснело, / Сердце стало в горсть (Ак-Тайчы, с.122).

Чачияков: *Лажыл-кысыл чырайы түжүп, / Тезин кара тартыла перди.* – Зелено-красный (цвет) лица его опал, / Густой чернотой оно покрылось (Кан-Алтын, с.446, 447). *Кызыл-марал эр чырайы / Куу өлөндий өчө берди.* – Как цвет маральника, красное лицо мужа, / Подобно серой траве, поблекло (букв. “потухло”) (Күн кылгалу күрен атту кудай уулы Катан-Коо, с.119). ... *Күрен-кысыл ол чырайы, / Куудан чылап, эм кугарат.* – Его смугло-красное лицо, / Теперь, подобно серой траве, поблекло (там же, с.143). В этих выражениях переход героя из одного состояния к другому передается противопоставлением двух сравнительных оборотов с использованием цветовых определений *лажыл-кысыл* “зелено-красный”, *кызыл-марал* “красный, как маральник”, *күрен-кысыл* “смугло-красный”, *тезин кара* “густая чернота” и глаголами-синонимами *кугар* = “бледнеть”, *өч* = “тухнуть”, “блекнуть”.

Итак, мы выделили семантические группы образных выражений, описывающих гнев персонажа. При всех вариативных ситуациях остается неизменной синтаксическая модель и основные устойчивые словосочетания, которые образуют каркас самой эпической формулы. Вариативность обусловлена использованием разных синонимов, сравнений, эпитетов для усиления художественной выразительности, что зависит от таланта сказителя.

Страх и испуг героя. В описаниях страха и испуга героя чаще всего употребляются метафорические выражения, связанные с передачей спонтанной реакции сердца и тела (суставов, костей): *эт жүреги шимирт этти* “мясо-сердце его вздрогнуло” (Улагашев, Чинчикеев), *эт жүреги сырт этти* “мясо-сердце его вздрогнуло” (Чинчикеев), *таш жүреги селес этти* “каменное сердце его встрепенулось” (Тазрашев), *болчок жүреги борт этти* “круглое сердце его екнуло” (Улагашев, Калкин, Ялатов); *богоно сөбги божой берди* “суставы-кости его ослабли” (Паспаулов), *богоно сөбги жымырт этти* “суставы-кости его дрогнули” (Ялатов), *богоно сөбги сырт этти* “суставы-кости его дрогнули” (Калкин). Словосочетание может быть распространено определением или метафорическим эпитетом, например: *таш* “каменное”, *болчок* “круглое” (сердце) и т.д.

Сложный глагол, как правило, состоит из звукоподражательного слова, обозначающего резкое движение, сопровождающееся звуком: “*шимирт*”, “*селес*”, “*борт*”, “*жымырт*”, “*сырт*” – и вспомогательного глагола *эт* = с первичным значением “делать”. **Улагашев:** *Оны уккан Арслан-Каан... / Малчы-Мергенди көргөн бойынча, / Болчок жүреги борт этти, / Богоно сөбги божой берди...* – Арслан-Каан, услышавший это, ... / Когда он увидел Малчы-Мергена, / Круглое сердце его екнуло, / Кости-суставы его ослабли (Малчы-Мерген, с.88). **Чинчикеев:** *Мыны көргөн Шолтойоктын / Эт жүреги сырт этти, / Коркыбас бойы корко берди, / Ыркүбес бойы үрке берди. / Эди-каны жымжай берди, / Эрлү бойы тырлажа берди.* – У Шолтойока, увидевшего это, / Сердце дрогнуло, / Не боявшийся – забоялся, / Не пугавшийся – испугался. / Тело-кровь смягчились, / Сам муж задрожал (Ак-Каан ла Күбүр-Каан, с.93). **Ялатов:** *Мыны*

көргөн уулчактын / Болчок жүреги борт этти, / Богоно сёёги жымырт этти. – У мальчика, услышавшего это, / Круглое сердце его екнуло, / Суставы-кости его дрогнули (Өлөнир, с.60). Тазрашев: Айу тонду баатыр кезер / Коркыбас бойы корко берди, / Таи жүреги селес этти. – Богатырь-кезер в медвежьей шубе, / Не боявшийся – забоялся, / Каменное сердце его встрепенулось (Солотой-Мерген, с.148).

Подобные выражения построены по одной модели: имплицитное местоимение (в родительном падеже) + существительное (в именительном падеже) + глагол, придающий предложению метафорический подтекст, в результате чего вся конструкция качественно видоизменяется и, закрепляясь в репертуаре исполнителей, становится устойчивым художественным тропом, характерным для поэтики эпоса.

Формулы, выявленные нами, типичны по своей семантике, но в зависимости от контекста варьируются, давая близкие смысловые оттенки. Сказитель использует тот или иной вариант, а иногда, что характерно для фольклора, привносит свои видоизменения.

Таким образом, современные сказители широко пользуются общим фондом традиционных изобразительных средств, в своем исполнении варьируют их. Формульные выражения не являются застывшими, они функционируют в языке эпоса в пределах «эпического знания» (Гацак: 1989).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лорд А.Б. Сказитель. – М.: Восточная литература, 1994. – С.64.

² Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. – М.: Наука, 1989. – С.25–36.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

Е.Н. КУЗЬМИНА

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ ЭПОСА СИБИРСКИХ НАРОДОВ

(к постановке проблемы)*

Диалектика развития сибирской фольклористики и прежде всего итоги работы по подготовке томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» привели к тому, что мы сейчас можем начать более глубокий текстологический анализ и научную систематизацию фольклорного материала по эпосу народов Сибири.

Применительно к текстам архаического, прошедшего длительную историю бытования тюрко-монгольского эпоса, включающего героические сказания алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов – систематизация входит в число первоочередных задач эпосоведения.

На протяжении полуторавековой истории собирания текстов героического эпоса сложился огромный фонд произведений, ожидающих своего изучения и публикации. Анализ сюжетно-повествовательных звеньев, композиционных элементов, структуро- и стилеобразующих компонентов дает возможность понимания принципов эпического сюжетосложения, раскрытия характера исполнительства, эстетики древнего эпосопения, путей развития эпической традиции.

Для разработки обозначенной проблемы большое значение имеют систематизированные изложения сюжетов, предложенные Н.В. Емельяновым¹ и Д.А. Бур-

чиной². Н.В. Емельянов взял на учет весь известный и доступный ему материал олонхо. Он пишет: «До настоящего времени было опубликовано всего лишь 16 полных текстов олонхо, 28 кратких изложений содержания и 19 отрывков. В Архиве Якутского филиала СО АН СССР хранятся рукописи 126 записей полных текстов олонхо, 36 кратких изложений содержания, 51 запись сюжетов и 16 отрывков»³. Весь этот массив исследователем был сгруппирован в три крупных тематических раздела, которые в свою очередь имеют подгруппы. Такая сюжетно-тематическая классификация позволяет проследить стадийное развитие эпоса. Несомненно, этот труд характеризуется скрупулезностью, тщательностью подхода к исследуемому материалу.

В таком же плане выполнена вышеназванная работа Д.А. Бурчиной. Но здесь подробному описанию подвергнута локальная традиция унгинских бурят. С максимальным охватом исследовательница привела в своей книге все зафиксированные тексты западно-бурятской Гэсэриады, тем самым давая возможность эпосоведам на примере Гэсэриады проследить процесс эпического сюжетосложения.

Из аналитических работ, близких к нашей проблеме, следует назвать статьи С.С. Бардахановой⁴ и А.В. Ку-

* Статья выполнена при поддержке интеграционных проектов СО РАН (№ 38, 39).